
Я ещё застала время
Городских оркестров в парке:
Блеск на солнце труб весёлых,
Барабанов дробных поступь!
Вряд ли память – повторенье:
Шум помех, одни помарки –
Черновик она: спасённых
В ней деталей мало поздних.

Чистовик есть – жизни бремя,
Круглость суммы без процентов;
Детский мир калейдоскопа,
Мрамор слоников в серванте...
Я ещё застала время
Пред соседями концертов,
Пластилиновых зверинцев;
Дон Кихотом звал Сервантес.

Но был Маугли главнее –
Все деревья мне покорны!
Снег цветения черешен
И фламинго яблонь дымных...
На экзаменах умнее
Я была себя, бесспорно!

Школьный круг любви безгрешен:
Удаль плясок первобытных –

Дисотеки оглушенье;
Темень улиц полуночных
Диафильмов не опасней.
Восприятие двояко:
Чтение папы, как внушенье,
Кадры сказок всех восточных:
"Веер Тэнгу" был ужасен
И страшил "Аминодзяку".

Я ещё застала время
Тех "секретиков" зарытых:
Под стеклом – цветы, рябина,
Ярких фантиков бесценность...
А друзьям себя даренье
Было чисто, словно выдох.
...Вот – родителей бобины
И пластинок старых целость.

Всё в компьютере хранится
Жадной памяти подробной,
Как в кладовке – пир варенья
(Летом – сладью банки полнить).
...Ничему не повториться?
Места нет тоске утробной:

Я ещё застала время,
О котором есть, что вспомнить...

1 ноября 2015

Плащом лежит распущенность волос:
Пока ещё не полностью промокли –
И спину защищают. Столик врос
По щиколотки в землю. Дворик – тот ли?
Я что-то забываюсь... Вот сейчас
Опомнюсь и опять вернусь в реальность.

Устала... Отдохнуть ещё бы час –
Приму и неизбежность я за данность.

Но что-то не найду никак ключей.
От холода скукожен, съёжен дворик.
А дерево скамей – темней грачей!
Сметает листья дождь – унылый дворник.

Ведёт он водяной своей метлой –
И падают кленовые ладошки.
Рука дрожит... Ты двери – сам закрой.
Давай с тобой присядем "на дорожку",

Полегче чтобы был далёкий путь.
С тобою мы прожили вместе мало,
И памяти былое не вернуть.
Жила я – или только вспоминала?

Как дом свой покидать навечно мне?
Но было одиноко в милых стенах.
...Ах, если б не погиб ты на войне!
– То думала б – о доме престарелых?
9 апреля 1914 г; 1 января 2015 г.

От лучшего друга до чёрного списка –
Один разговор о стране.
Допросы друг друга с изысками сыска,
Остаться нельзя в стороне:
Тут личных рядов неперемнная чистка,
Жар речи, блеск глаз, как у пропагандиста...
На Страшном Суде мы. На дне.

Раскол, как при Никоне. Так за кого ты?
Обрыв отношений, развод.
Какие мы с вами превысили квоты,
Нырнув в глубину мёртвых вод?
А если нам и поддаются высоты,

На пушечный фарш приготовились взводы -
И точен прицел воевод;

Отточены действия их – до машинных.
Позор или, всё же, почёт?
Уснула Небесная – Сотня невинных?
Зашкалил – за тысячу – счёт!
На первый-второй рассчитайсь! Взрыв на минах:
Ты сам – украинец иль русский? Единых
Здесь нет, а врагов всех – в расчёт...

Молчи, агитатор: постыл и непрошен;
Татарин от гостя устал.
Чей Крым? Да, в раю миротворец Волошин:
И белых, и красных спасал.
Ты был под прицелом охраны опрошен –
Иль сам выбирал, в идеалах дотошен?
Чтож, час их проверить настал,

Пришёл как захватчик? Ещё без предчувствий
О Нюрбергском правом суде?
Войну развязавший – на что присягнувший:
Быть родине верным? Себе?
И ужас растёт, нас давно захлестнувший:
Да сколько вам надобно жертв?! Нет напутствий:
Повинны мы в общей беде.

7 ноября 2014 г.

Краснеет в небе полоса,
Смущая солнце непритворно.
...У китаянок голоса
По-птичьи звонки и задорны;

Извилист песенный язык,
Высок по-девичьи, по-детски,
Как речка, к берегам привык...
Брюхата ветром занавеска.

К закату высохло бельё,
Смуглеет смутно на балконе.
Делю с соседками жильё,
Всех этажей многооконье.

И что-то празднуют они,
Захлёбываясь быстрой речью.
Инопланетному сродни,
Мне непонятно их наречье.

Их сладкий соус ловит в сеть —
И застываю, обоняя.
А им не холодно сидеть
На их балконе, выпивая.

Стекло ударилось в стекло,
И пьяный всхлип донёсся резко.
А покрывало потекло
В ладоней чашечки без всплеска;

Но скользкость шёлка весела,
И ворс шершавый полотенец
Смешлив, чуть в руки их взяла!
...Воркует голубь, как младенец,

Пугливо смотрит сверху вниз
На нас с карниза и лопочет.
Он в сумерках уже не сиз,
А чёрным вороном пророчит

И, заглушив китайский ор
На миг, взмывает в темень неба —
Доносит эхо "never more"...
Щекочет ноздри запах хлеба.

Опять томлюсь в пальто тяжёлом зимнем,
Щеку полуприкрыв воротником.

Я в очереди перед магазином
Стою – и до ступенек далеко.

На месте громко топаю ногами:
Как холодно! В карманах – пальцев лёд.
Как нота в надоевшей старой гамме,
С толпою продвигаюсь я вперёд.

А ветер, снегом весело стегая,
Не ведает, что нежен хлопьев пух.
...Там, головокружением пугая,
Обдаст утробно-тёплый хлебный дух;

Там выгружено множество буханок
(Сдержать я нетерпенье не могу),
Они легли на полки спозанок
Прогретостью камней на берегу!

...Шёл пар из рта водителя и даже
Из тёмного нутра грузовика,
Как будто хлеб – дышал, и кто докажет,
Что не было сего наверняка?

И стали продавщицы краснощёки,
С шофёром распрощавшись впопыхах...
– Мне белый и полчёрного. В расчёте:
Монетки на столе, а хлеб – в руках.

Авоську под полой поспешно пряча,
Чтоб корочка хрустела не ледком,
Домой спешу, от снега полузряче
Смотря вокруг – и город незнаком.

Не выдержав, горбушку отломила –
В блокаду так довесок лаком был...
Вдруг сердце сжалось. Тут же – отпустило,
Но мягкий хлеб Австралии – постыл.

21 августа 2014 г.

Как взлетающий ревущий самолёт,
Гром рокочет, нагнетая звук толчками,
Отдышаться и очнуться не даёт –
Так лавиною с горы несутся камни!

Будто мир сейчас обрушится, вот-вот...
Дождь клокочет и шипит клубком змеиным.
Шорох жуткой чешуи... Кипенье вод...
Лазер молний прорезает темень гимном

Свету дня: такой же яркой белизной,
Словно солнце – в самый первый день творенья!
Ливнем смоемся постылый пыльный зной;
Так смиряет ускоренье – сила тренья.

И бессильная, я вслушиваюсь, как
В небе Зевс с Ильёй-пророком негодуют.
Не заснуть от оглушительных атак!
Будто там, как на земле, война лютует.

М.П.

Я в умудрённом возрасте теперь –
В том, в коем был ты, чувство отвергая.
Твою я помню запертую дверь,
Но нынче я – как ты, уже другая:

Мне так же дорог благостный покой,
Страшат любви падения и взлёты.
О женщине ты забываешь той,
Что бросила. Такой – из-за неё ты.

Во мне – из-за тебя – подобный сбой,
Отсроченный, отложенный как будто.
Ровесники теперь мы с тем тобой,
Которого любила беспробудно.

А ты в себя любовь не допускал:
Быть страшно безоружным, сдавшись слабо
На милость. От сомнений ты устал.
Так легче: вместо дерзости – досада;

Услады вместо – застрахован быт
От вспышек: на пожаре силуэты.
Безумный мой порыв тобой забыт.
Семнадцать лет назад... Да было ль это?!.
4 февраля 2015 г.

Всё – видимость, как будто шито-крыто:
Под хворостом, листвой – капкана яма.
Моральные критерии размыты,
А пошлость откровенна и всеядна.

Вот – наша современность. Нет героев:
Становится развенчиванье модой:
Развинчены конструкции устоев.
Застой. Всё затянулось – непогодой.

И гром гремит взаимных обвинений.
Народа оболваниванье длится.
Клеймится благородство частных мнений.
Толпа всеядна; маски в ней, не лица.

– Ты снова – о политике, с чего бы?
– О жизни: ведь живём мы – каждый день в ней!
Над прошлым издеваться стало модно –
От новых не избавясь наваждений...
10 января 2015 г.

Молчи лишь о любви...

Г.

Давно нам не мучительно вдвоём:
Нет тайны – и от этого печально.
Пройди уже, не мучь дверной проём!

Ты к смертной казни был приговорён
Всей жизнью, зародившейся случайно.

И ты, и я, и все мы – гости тут.
И скоро прочь прогонит нас хозяин.
Уже не избежать нам новых пут.
Закончили едва мы институт –
Задерживаться в юности нельзя нам:

И как затормозить, летя с горы?
Мы снежным комом жизни обрастаем.
Всё кажется случайным до поры.
Выдумываем правила игры,
Любуемся горящими мостами...

Потом нас покидает романтизм.
А вот уже и жизнь стаёт рутиной:
Семья, работа... И за что-то приз –
Последняя любовь: уловки призм,
Художника слияние с картиной.

Обмениваться мыслями с тобой
Привычнее, чем чувствами былыми.
Молчи лишь о любви: грозит – бедой.
В размеренность вносил ты нервный сбой;
Не надо мёду – дёгтевой полыни.

...Да ладно, что теперь нам, не впервой,
Входи давай – на счастье ли, на горе?
Срослись мы по-сиамски головой,
Сердца же – снова врозь, хоть волком вой!
До опыта всё знала, априори.

11 декабря 2014 г.